

Александр Скрягин

Те, что живут рядом

Детективная повесть

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ – 2018»

Александр Скрягин

**Те, что живут рядом.
Детективная повесть**

«Издательские решения»

Скрягин А.

Те, что живут рядом. Детективная повесть / А. Скрягин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903266-9

Кто взорвал установку на нефтезаводе? Что забыл в Сибири арабский принц с неестественно желтыми глазами? И при чем здесь Мафусаил? История дышит в такт вопросам и вскрывает новые загадки в событиях прошлого. Связываются в клубок судьбы наследников времен, которых не было — тех, кто живут рядом.

ISBN 978-5-44-903266-9

© Скрягин А.
© Издательские решения

Содержание

1. Взрыв	6
2. Кто взорвал колонну?	7
3. Визит в гнездо Мафусаила	9
4. Невозможное завоевание Америки	13
5. Доктор Искра Августовна Сони́на	16
6. Ближневосточные друзья Мафусаила	20
7. Странное предложение старого пирата	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Те, что живут рядом Детективная повесть

Александр Скрягин

© Александр Скрягин, 2018

ISBN 978-5-4490-3266-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события этой книги, относящиеся, как к настоящему, так и прошлому, имели место в действительности. Но автор считает необходимым подчеркнуть, что данное произведение является художественным, а не документальным. Поэтому, все оценки и интерпретация событий принадлежат исключительно автору, и носят совершенно субъективный характер.

Автор

МАФУСАИЛ – дед НОЯ, праведника, спасшегося после Потопа. Согласно Библии, Мафусаил прожил 969 лет. В литературе выражение «Мафусаилов век» употребляется в значении необычно долгой для обычного человека жизни, удивительного долголетия.

Большой энциклопедический словарь.

1. Взрыв

Нефтеперегонная колонна взорвалась в субботу, в шесть утра.

Без всякого звука семидесятиметровая башня, похожая на баллистическую ракету, мягко приподнялась над землей. Презирая притяжение планеты, она неподвижно повисла в воздухе.

Стальной колосс собирал силы для броска в стратосферу. Но не выдержал сопротивления с гравитационной мощностью земного шара и разорвался на две равные половины с пилообразными краями.

Из глубины этой акульей пасти на солнечный день удивленно взглянула черная космическая тьма. Но она смотрела на солнечный мир всего несколько секунд. Обе половины взбунтовавшейся башни снова сомкнулись и, догоняя друг друга, понеслись вниз.

Раздался громкий звук, похожий на праздничный орудийный салют.

И на месте, где несколько мгновений назад уходила в небо гордая колонна, вырос оранжевый пузырь. Стремительно увеличиваясь в размерах, он втягивал в себя деревья, здания, асфальт и, казалось, остановить его невозможно.

А затем над городом повис гул.

Он был как будто и не очень силен, но человеческий голос растворялся в нем без следа, как сахар в кипятке. Люди, раскрывающие навстречу друг другу беззвучные рты, стали похожи на вытащенных из воды изумленных рыб.

В город пришла тревога.

Нефтеперегонная установка ЭЛОУ – АВТ, имеющая мощность переработки шесть миллионов тонн нефти в год, исчезла с поверхности земли.

Это было начало.

2. Кто взорвал колонну?

Полковник подошел к окну.

За стеклом, беззвучно, как в аквариуме, плавал город. Он потянул на себя ручку и распахнул тяжелую, позапрошлого века деревянную раму.

В кабинет шумно вбежал август. Полковник вдохнул легкий, настоенный на бензине, сохнувших листьях и желтых казахстанских дынях воздух, посмотрел на дразнящие пустотой крыши, тенистые лабиринты улиц и бегущих по своим делам горожан.

После взрыва прошло всего несколько дней, а люди уже забыли о нем.

А вот он принадлежал к тем немногим, кто забыть не мог. И сейчас он должен был найти ответ на вопрос: «Что же докладывать наверх?»

Полковник прошелся по кабинету.

«Могла причиной взрыва быть техническая неисправность? – задал он себе вопрос. Могла. Хотя маловероятно. Системы технологической безопасности на подобных установках, как утверждают специалисты, давно отработаны и надежны. Конечно, все может быть, вон атомные реакторы, где системы безопасности, наверное, не хуже, и то взрываются...

Чеченский теракт? Может быть? Теоретически, может. А, практически, вряд ли. Областная чеченская община хорошо пронизана агентурой, кто-нибудь непременно бы стукнул... Да, и ичкерийская пропаганда что-то молчит... Если бы масхадовцы приложили руку, давно бы кричали по всему миру, какие они сильные и ужасные... Однако, ничего этого нет.

Привет от конкурентов? Может быть? Может. «Таймырнефтегаз» или «Востокнефть». Но вряд ли. У них то же есть заводы, которые горят ничуть не хуже... Чтобы они, живя в стеклянном доме, кидались камнями в соседа? Нет.

Никаких оперативных данных, ведущих хоть в какую-то сторону, пока не обнаруживается. От технической экспертизы тоже вообще-то чего-то особого ожидать не приходится. Каких-нибудь там следов взрывного устройства или закрытой задвижки... На месте установки образовалась плита застывшего вулканического стекла, площадью в гектар и толщиной в два метра... Что там могло сохраниться?»

Полковник подошел к сейфу. Достал оттуда початую бутылку Омского коньяка «Ермак Тимофеевич» и маленькую пузатую рюмку. Аккуратно наполнив стеклянный бочоночек, он вдохнул концентрированный растительный аромат и, не торопясь, выпил.

Поставил рюмку. Замер.

Ничего не происходило... Ничего... Но, наконец, ожидаемая расслабляющая волна прокатилась от сердца к подошвам. Полковник облегченно вздохнул.

«Да. Хорошо! – произнес он про себя. – Так, что же докладывать наверх? Кто взорвал колонну?»

В дверь кто-то постучал. Полковник точным движением одной руки поставил бутылку в сейф, выверенным жестом второй убрал стаканчик под защиту настольного календаря и занятым тоном сказал:

– Можно.

Дверь открылась и на пороге кабинета выросла секретарь приемной начальника управления Рита Кононович. Она была плотно закована в женский деловой костюм. Впрочем, доспехи заканчивались ладони на полторы выше круглых колен. Да и на груди было большое уязвимое пространство, прикрытое лишь тонкой блузкой.

У Риты имелись два неоспоримых достоинства: странный темно-зеленый цвет радужной оболочки глаз и соблазнительные коленки с ямочками. Она это знала.

– Лев Александрович, – громко произнесла она, повернув голову не к Полковнику, а в сторону коридора, – генерал просил приготовить имеющиеся данные по взрыву на нефтезаводе.

«Оперативное прикрытие проведено грамотно.» – отметил Полковник.

Закончив громким официальным голосом фразу, Рита плотно прикрыла дверь, повернула защелку замка и, стуча каблучками, подбежала к Полковнику. Она привстала на носки и потянулась губами к чисто выбритой полковничьей щеке.

– Лева, ну куда ты пропал? Не заходишь... От тебя коньяком пахнет... Я соскучилась! – упрекающим тоном собственницы запрочитала она.

Полковник осторожно положил на ее узкое плечо свою большую, как медвежья лапа, ладонь, изобразил на лице выражение сдержанной мужской радости и утомленным тоном произнес:

– Ни минуты свободной не было... Ты же знаешь, день и ночь взрывом занимаюсь.

– И ночь? – мгновенно вошла в любимую всякой женщиной роль следователя Рита.

– Рита, оперативная работа не знает времени суток... – вздохнул он.

– Ага, ага... – закивала головой Рита. – Знаю я, какой ты ночью оперативной работой занимаешься... Все вы такие, хлебом не корми, дай ночью оперативной работой позаниматься! – зазвенели в ее голосе всегда готовые у женщин к использованию разоблачительные нотки. – Ну-ка, признавайся, кто у тебя появился? – застучала она кулачками по твердой полковничьей груди.

– Рита, ты же знаешь, кроме тебя, меня не способна увлечь ни одна женщина... – стремясь, чтобы голос звучал искренне, произнес он. Эти слова он неоднократно произносил в разных странах мира и знал их волшебную силу.

– Не верю тебе, обманщик!.. – растаявшим голосом пропела Рита.

В знак примирения она прижалась к полковничьей рубашке. При этом она нарочно испачкала ее губной помадой. «Все эти стервы должны знать, что это мой мужчина, что он занят. Раз мой, хочу и пачкаю!» – стояло за этой акцией.

– Генерал сказал, – чуть отстранилась Рита, – он в помощь тебе хочет вызвать группу экспертов из Москвы. Взрыв на нефтезаводе изучать... Велел завтра утром, зайти до общей планерки. И соседи просили их с материалами ознакомить...

Соседями в милиции называли федеральную службу безопасности.

– Генералу утром звонил сам Аврамович, – продолжила информировать Полковника Рита, – так ругался, так ругался! Я немного послушала по параллельному аппарату... Обещал каких-то своих специалистов прислать...

– Сам Аврамович? – переспросил Полковник.

– Ну, да! Роман Алексеевич потом аж три чашки чая выпил! Кошмар какой-то!

– Три чашки! – изумился Лев Александрович.

– Три! С лимоном! – подтвердила Рита. – Ну, ладно, я побежала... – деловито произнесла она. – У меня там, в приемной полно народу... Генерал, наверное, уже по всем закоулкам меня с собаками ищет... Он вообще без меня ни одну бумагу найти не может!

Полковник погладил ее по плечу.

– Позвони мне вечером обязательно. Хорошо? – чмокнула она его в сизую щеку и, простучав пулеметной очередью каблучков, исчезла в темных недрах управления.

И приезжающие столичные эксперты, и соседи из службы федеральной безопасности, подключившиеся к расследованию взрыва, и, тем более, какие-то неизвестные специалисты владельца «Сибпромнефти» Аврамовича, которому принадлежал нефтеперерабатывающий завод, были неприятным известием для Полковника.

Он и только он должен был ответить на вопрос: кто взорвал колонну?

3. Визит в гнездо Мафусаила

В дверь снова постучали.

– Входите. – отвлекся от созерцания суесящегося за окном городского муравейника Полковник и повернулся на стук.

Дверь распахнулась. На пороге вырос старший лейтенант Володя Пилипенко.

Старший лейтенант был озабочен.

– Товарищ полковник, есть новости, – произнес он.

– В Нью-Йорке взорвали статую Свободы? – осведомился Лев Александрович.

– Нет, товарищ полковник. Хуже.

– Что же может быть хуже? – удивленно поднял брови Полковник.

– В субботу вечером, примерно в двадцать три часа, в ночном клубе «Мистер Икс» гражданин Браткрайс Мафусаил Нилович поспорил на сто долларов, что на следующий день на нефтетезаводе будет взрыв.

– Ну и что? – осведомился полковник Садовский.

– И выиграл.

«А, правда, ведь взрыв-то был в воскресенье в шесть утра... Да, что же это такое? – подумал Полковник. – Неужели Мафусаил тут замешан?... Быть не может? Или может?»

Браткрайс Мафусаил Нилович был другом его детства.

...Полковник постоял, пережидая длинный товарный состав. Бесконечная цепь бархатных от налипшей пыли крутобоких цистерн тянулась и тянулась, отгораживая его от окраинного городского района – станции Куломзино.

Суставчатая линия цистерн с надписью «Бензин» и логотипом «Сибпромнефти» казалась бесконечной.

В голову приходила мысль, что она гигантским замкнутым кольцом кружится и кружится вокруг земного шара. И когда вместо нее перед глазами вдруг открылось свободное пространство, у Полковника в груди шевельнулось детское чувство случившегося чуда.

Лев Александрович с наслаждением вдохнул воздух, наполненный острым запахом пропитывающего шпалы креазота. Вдали затихал стук колес. Полковник постоял и шагнул через отполированную вагонными колесами рельсу. Он шел в пристанционный поселок.

Поселок «Куломзино» представлял собой мир, где шла особая жизнь. Отличная от всего остального города. Там были узкие мощеные улочки, одноэтажные домики и жили странные люди.

В то время, как остальные горожане, не мудрствуя лукаво, жарили себе на воскресный обед картошку с мясом, куломзинцы тратили время на изготовление голубцов. Обитатели других городских районов с гордостью ставили на стол купленную в магазине бутылку водки, жители станции – только графин из холодильника. Горожане, без различия в уровне образования и материального положения, с довольным видом пили растворимый кофе. Рядовой куломзинец не стал бы этого делать даже под угрозой административного наказания. Житель поселка всегда варил молотый кофе в турке. И кое-кто даже добавлял туда корицу.

Секрет странного поведения куломзинцев состоял в том, что называется вкусом к жизни.

Откуда он взялся?

Возможно с юга. С низовьев Волги. Из прикаспийской Астрахани. Оттуда в годы войны сюда эвакуировали бондарный завод, делавший бочки для смазочных масел. Ведь Астрахань располагалась в особом месте. Там, на берегах Каспия издавна возникали империи и цивилизации. Не так уж далеко от тех краев некогда цвел Эдемский сад. Вряд ли все это могло пройти для прикаспийской земли и населявших ее людей бесследно.

Попасть в мир станционного поселка можно было только сквозь промежуток в лесозащитной полосе, высокой и широкой, словно крепостная стена. Полковник прошел под непроницаемым для солнечных лучей зеленым сводом и оказался на узкой мощеной улочке.

Забирая вправо, он направился к серой громаде элеватора. Его венчала гордая башня, опоясанная по периметру большими окнами. Заходящее солнце насквозь пробивало окна. Полковник представил, каким неземным алым светом был залит размещенный в башне машинный зал.

Под башней располагалась батарея толстых бетонных цилиндров. В них хранились тысячи тонн твердой сибирской пшеницы. Эта гора растительного белка рождала водопады биологической энергии. Ощущая ее, организм сначала погружался в тревогу, а, потом, начал наливаясь стальной силой. Она легко отбрасывала болезнетворные бактерии и заставляла быстрее расти волосы.

Здесь в вечной тени элеватора стояло одноэтажное кирпичное здание. Склад акционерного общества «Сибхлеб».

Гнездо Мафусаила.

Полковник рванул на себя тяжелую, обитую металлом дверь и заставил застыть в виде фотографического снимка, застигнутую врасплох компанию.

В центре за столом сидел сам Мафусаил.

У него были румяные щеки, пылающий нос и океански-светлые, как рыба чешуя, глаза. Серебристый ежик прически воинственно топорщился во все стороны света.

Морская тельняшка сидела на его квадратном теле, как влитая. Хотя трижды судимый за мошенничество и хищение чужого имущества гражданин Браткрайс не имел чести служить во флоте.

По обе стороны от Мафусаила сидели две угрюмые личности с сухими и серыми, не поддающимися загару лицами людей, недавно покинувших места заключения.

Из зеленых внутренностей, стоящего в углу дивана, дразнила скульптурными коленями пышная сорокалетняя дама с полной, едва не расплескивающейся через край рюмкой в руках. Экспедитор Ольга Павловна Липовая, так же судимая. Но дважды. И в далекой молодости.

Перед Мафусаилом стояла бутылка капитанского джина местного изготовления. Рядом поблескивала в электрическом свете круглыми боками большая белая фаянсовая супница, приятно благоухающая лавровым листом.

– Здравствуйте, граждане! – поприветствовал всех сразу Полковник.

– Ле-е-ва! – с трудом, но зато бесповоротно ожил фотоснимок Мафусаила Ниловича. – Вот кого не ждали! Проходи! Садись! Гостем будешь! А, если выпьешь с нами, то и хозяином! – засуетился ветеран системы исправительных учреждений.

Полковник посмотрел ему в глаза и явно увидел в них настороженность. В последние семь лет, после окончательного выхода на свободу, совершенно несвойственную Мафусаилу.

– Мафа, у меня к тебе разговор есть. – сказал он. – Пусть твои друзья погуляют.

Друзья вопрошающе посмотрели на Мафусаила: что это за человек, и почему так себя ведет? Особого удивления во взгляде не было. Их богатый жизненный опыт говорил: раз ведет, значит, имеет право.

Мафусаил солидно кивнул, дескать, да, погуляйте.

Ольга Петровна некоторое время раздумывала, относится ли приглашение и к ней, потом решила, что относится. Осторожно, не расплескав, она поставила рюмку на стол, и начала вытаскивать себя из диванных глубин.

– Оля, ты была в пятницу в ночном клубе? – спросил Полковник.

– Ну, была. – не уловив, появилась ли на горизонте опасность, но, на всякий случай, с легким вызовом произнесла Ольга.

– Тогда останься.

Ольга Петровна стала снова погружаться в мебельные внутренности, маневрируя всем телом с таким умением, что обнажились уже не только колени, но и белые трусики.

Полковник подвинул к себе аппетитно пахнущую супницу. Это была его и Мафусаила любимая баранина с овощами в красной помидорной подливке.

«Умеет же устраиваться, проходимец!» – подумал он, а вслух спросил:

– Мафа, ты спорил в клубе с Серым, что на нефтезаводе будет взрыв?

Мафусаил помолчал.

– Ну, спорил. И что? – с видом оскорбленной девственности ответил он после паузы.

– Откуда знал, что установка взорвется?

– Да я не знал. Откуда же, я мог знать? – поджал губы старый пират.

– Почему тогда спорил?

– Да, это не он. – подала из глубины дивана голос Ольга и с силой стала натягивать юбку на колени. – Это я спорила. А Мафусаил Нилович только перед Серым деньгами отвечал.

– А ты откуда знала, что колонна взорвется?

– Да, я не знала. Так, поспорила для смеху и все...

– Кончайте мне голову морочить! – угрожающе произнес Полковник. – Или пеняйте на себя! Кто вам про взрыв сказал?

Мафусаил Нилович вдруг застенчиво опустил глаза, чего за ним опять-таки не водилось.

– Ну, цыганка сказала. Мария с Самарки. – сказала Ольга, но глаза при этом тоже отвела в сторону.

– Мария, говоришь? Это какая Мария? Вереш?

– Нет, Вереш здесь давно живет. – отрицательно покачала головой Липовая. – Она уж и не цыганка почти. У нее обе дочки в музыкальную школу ходят. А то Мария из табора, что у нефтебазы на берегу Иртыша в мае встал. Цыганки, они знают. Дар у них такой. – педагогическим тоном учительницы, разъясняющей тупице очевидные вещи, произнесла Ольга Петровна.

– А табор, конечно, вчера снялся и ушел неизвестно куда?

– Снялся. Ушел. Вчера. – продолжала безнадежную борьбу за удлинение своей юбки Ольга Петровна: она с таким остервенением дергала за ее верхний край, что вот-вот должна была остаться вообще без юбки.

– У меня есть предложение... – вклинился в их диалог Браткрайс. – Давайте сначала покушаем. Немного выпьем, а потом спокойно обсудим все вопросы. Лева, ты не против?

Полковник внимательно посмотрел на заслуженного мошенника и сказал:

– Я – против? Я – «за» двумя руками.

Мафусаил бодро вскочил, подбежал к двери и слегка ее приоткрыл. Из окружающего мира в уютное тепло комнаты потянуло прохладой, и запахом сохнувших листьев. Близкой осенью.

– Ребята! Ужин заждался. Заходите. Погуляли и хватит.

Через некоторое время в комнату степенно вошли оба серолицых мафусаиловых друга.

На этот раз Ольга Петровна выбралась из диванных дебрей мгновенно, как подброшенная пружиной.

Стол был накрыт, словно по мановению волшебной палочки. Из тумбочки выпрыгнули на стол очень приличные чистенькие белые тарелки. Будто сами собой разложились пять тяжелых сверкающих ложек из нержавеющей стали. И, как грибы, выросли аккуратненькие стеклянные стопочки.

Ольга Петровна большой поварешкой разложила по тарелкам исходящую паром баранину с овощами. Старый пират с важным видом разлил по стопкам капитанский джин и провозгласил:

– Чтобы никто не приставал!

Джин, несмотря на удаленность моря предприятия-изготовителя, оказался хорошим. В меру пахнущим аптечным можжевелевым ароматом. Такой же джин Полковник пил с капитаном румынского сухогруза, когда волею судьбы, вместе со своей напарницей бежал из Ирака, спасаясь от саддамовской контрразведки. Но это было в совсем другой жизни. В той, которой вообще-то и не было.

Баранина была, мягкая, сочная и благоухала лавровым листом. Настроение Полковника заметно поднялось.

– Чего это ты, Лева, в последнее время такой сердитый стал, а? – повернулась к Полковнику раскрасневшаяся Ольга Петровна. – Раньше ты не таким был, я помню... Я все помню... – погрозила она ему пальцем.

– Ольга! – произнес обсасывающий баранью косточку Мафусаил Нилович. – Смотри у меня!

– Лева, вот ты знаешь, как я к тебе отношусь?... – не обращая внимания на предостережение, продолжала плыть дальше Липовая. – Я к тебе очень хорошо отношусь! А ты на меня кричишь! Да, если бы ты, Лева, знал, как я к тебе отношусь!... Ты бы... Ты бы... – заспотыкалась Ольга Петровна не в силах сообразить, какое бы такое грандиозное действие приписать Полковнику.

– Но, но, но!... – погрозил ей большой ложкой Мафусаил. – Ты кого соблазнить хочешь, а? Ты моего друга детства соблазнить хочешь! Друга, который меня спас... Которому я, по настоящему, жизнью обязан. А ты?

– Неужели ты его спас, Лева? – сделала круглые глаза Ольга Петровна.

– Да, слушай ты его больше! – махнул рукой Лев Александрович. – Он однажды с дебаркадера в воду прыгнул и головой в старую сваю попал. Только, когда я за ним нырнул, он уже сам наверх поднимался. Он и без меня бы выплыл.

– Неизвестно! – вертикально поставил ложку Мафа. – Это еще как сказать. Может быть, выплыл, а, может быть, кормил бы раков в речке.

– Вот он меня точно спас. – сказал Полковник. – Это было! Когда в десятом классе меня пристанские бить решили. За то, что я у Вовы Подолякина мотоцикл без спросу взял. Угнал. – уточнил он, поймав вопросительные взгляды серолицых адъютантов. – Да, к тому же еще и разбил. Неудачно покатался, конечно.

– Да, что там, я спас... – сморщил коричневое лицо Мафусаил. – Ты бы и без меня отмахался. Вон у тебя какие грабки!

– Как бы я в одиночку от десятерых отмахался? Так бы чайник начистили, до сих пор бы блестел. И, главное, ты потом, с Вовой договорился, чтобы дело замять... Знаешь, Оля, он всегда дипломатом был.

– Это, да... – согласился Мафусаил Нилович. – Вот это правда. Я так считаю: любой вопрос надо всегда стараться миром решить! Ну, если уж совсем не получается, тогда и помахать можно!

Ольга Петровна погладила его по круглому плечу.

Размягченный тремя стопками джина, бараниной и женской лаской Браткрайс откинулся на спинку стула и с важным видом произнес, обращаясь к Полковнику:

– Знаешь, кто нам про взрыв шепнул? Так и быть, скажу.

– Кто? – обратился в слух Лев Александрович.

– Искра сказала. Докторша. Искра Августовна. Мы ее по дороге в клуб и встретили. Она как раз с работы возвращалась. С завода. Ты ее знаешь. Она тебя лечила, когда ты воспалением легких болел.

«Еще не легче!» – подумал Полковник.

4. Невозможное завоевание Америки

Был вечер.

Лев Александрович готовил себе ужин.

Он налил в высокий пластмассовый стакан купленную в магазине смесь для молочного коктейля, погрузил в нее решетчатую лопасть миксера и включил мотор. Он дождался, пока коктейль покрылся перламутровой пузырьчатой пеной и набросал туда фиолетовых ягод сладкого сибирского крыжовника. Потом отрезал толстый ломоть белого батона и вместе с коктейлем отнес его в комнату, где стоял телевизор.

Комната напоминала маленький библиотечный зал. На тянувшихся вдоль стен деревянных полках, большом письменном столе и маленьком журнальном столике стояли и лежали книги. Стопка толстых фолиантов высилась и рядом с большим накрытым ворсистым пледом креслом, стоявшим у телевизора. Ни одна женщина не согласилась бы жить в такой библиотеке. Но Историк был одинок, и женские капризы ему не грозили.

Он поставил стакан с коктейлем на пол рядом с креслом, накрыл его ломтем батона и включил телевизор. Немного поколебался, но все-таки не удержался, и открыл лежащий наверху книжной стопки толстый фолиант. В программе новостей мелькали пестрые кадры о событиях, происшедших за последние часы во всех концах света.

Но он не видел того, что происходило на экране.

Его не интересовали сегодняшние события. Он сидел и размышлял о событиях, которые случились очень давно.

Лев Александрович сделал первый, как всегда самый вкусный, глоток коктейля, откусил белую губчатую мякоть батона и оказался за пять веков и двадцать тысяч километров от своей заваленной книгами комнаты.

В Америке, в момент ее завоевания испанским авантюристом Эрнаном Кортесом.

Ко времени прибытия европейцев здесь существовало могучее государство, возглавляемое вождем ацтеков Монтесумой. И армия американской империи совсем не представляла собой беспомощное сборище дикарей, как это иногда думают.

Вооруженные силы ацтеков являлись могучей машиной. Ими руководили профессиональные командиры. При объявлении мобилизации армия могла насчитывать до ста тысяч воинов. Солдаты были закалены в многочисленных войнах, преданы своим богам, отчизне и императору.

Ацтекские военачальники владели тактикой россыпного боя, наступления колоннами и охвата противника с флангов. В предыдущих войнах с соседями Монтесума накопил опыт боевого управления воинскими подразделениями в десятки и даже сотни тысяч бойцов. Под его командованием ацтекская армия выиграла десятки сражений. Сам император отличался хладнокровием и храбростью в бою. Командиры и рядовые воины, естественно, прекрасно знали географически сложный театр военных действий, на котором предстояло дать отпор захватчикам. Горы, ущелья, бурные реки, густые джунгли – являлись для них родным домом.

Правда, у высадившихся испанцев имелись стальные доспехи, почти непробиваемые копьями с наконечниками из вулканического стекла, лошади, которые поражали коренных американцев своим видом, ведь в Новом Свете они не водились, и огнестрельное оружие в виде заряжающихся с дула мушкетов.

Но, все-таки, по совокупной боевой мощи ацтеки намного превосходили высадившийся на их территории отряд Эрнана Кортеса. численностью в 533 человека. Он насчитывал 533 человека. Это были бродяги и авантюристы, не отличающиеся ни дисциплиной, ни воинским мужеством, да и не нюхавших в своей непутевой жизни настоящей войны.

В целом, ацтекская цивилизация также совсем не была отсталой по сравнению с цивилизацией, пришедших в Америку европейцев. Империя коренных американцев насчитывала десятки крупных городов с десятками тысяч жителей. Вся страна была покрыта сетью отличных мощеных камнем дорог, каких, например, в самой Испании еще не было.

В отличие от Европы, здесь давно уже было введено всеобщее образование.

Ацтекские астрономы обогнали европейцев в познании Вселенной. Ученые коренной американской цивилизации знали, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Европейская наука узнает об этом от Коперника только через двадцать лет после высадки Кортеса на побережье Америки. Ацтеки с высокой точностью вычисляли солнечные затмения и имели совершенный годовой календарь, превосходящий по точности существовавший тогда в Европе Юлианский календарь.

Высокого уровня достигло искусство. Золотые и бронзовые статуэтки украшали дома рядовых горожан. А о таком художественном совершенстве ювелирных украшений, что носили обычные ацтекские женщины, европейские дамы могли только мечтать.

Когда испанцы вошли в столицу империи Теночтитлан, они были просто потрясены. Вокруг них лежал бескрайний город. Среди его аккуратных жилых кварталов высились десятки поражающих своими размерами пирамидальных храмов. Во всех направлениях город пронизывали выложенные камнем каналы. На десятках искусственных озер плавали усаженные цветами острова. В Теночтитлане действовал водопровод общего пользования, о котором жители большинства испанских городов и представления не имели.

В виде неоспоримого признака отсталости ацтекской цивилизации обычно называют человеческие жертвоприношения. Жрецы острыми абсидиановыми ножами вспарывали грудные клетки приносимых в жертву богам людей, и вынимали их еще трепещущие сердца.

Но, справедливости ради, надо сказать, что по количеству человеческих жертв, только не убитых ножами из вулканического стекла, а заживо сожженных на кострах, европейская католическая цивилизация не уступала заокеанской. Например, бывший главным инквизитором Испании во времена Колумба и Кортеса Томас Торквемада уничтожил на кострах более десяти тысяч человек, что намного превосходит количество несчастных, заколотых жрецами за всю историю ацтекского государства.

Видимо, всякая человеческая цивилизация на определенных этапах своего развития, к сожалению, не может обойтись без массовых репрессий по идеологическим основаниям. Поэтому, вряд ли человеческие жертвоприношения могут быть поставлены в вину исключительно ацтекскому союзу племен.

Одним словом, нельзя сказать, что Американская империя безнадежно отставала в своем культурном, научном и техническом развитии от Европейских государств. И, разумеется, не могли быть для нее непобедимыми противниками пятьсот потрепанных жизнью испанцев, не отличающихся ни особым мужеством, ни воинским мастерством.

Казалось, в лучшем случае, Кортес мог рассчитывать на быстрый грабеж прибрежных деревушек до того, как на их защиту придут регулярные правительственные войска. Однако, все произошло совсем не так.

Могучая ацтекская армия вообще не стала сражаться с интервентами. Напротив, прибывшая из центра делегация с почетом проводила испанцев в столицу ацтеков – город Теночтитлан.

Кортес был тепло принят императором Монтесумой и поселен в его дворце. Император вел себя так, словно он являлся преданным слугой пришельцев.

Пользуясь странным поведением повелителя ацтеков, испанцы уничтожили разогнали центральные органы управления страной, захватили государственную сокровищницу, а с самим Монтесумой обращались, как с пленником.

Через несколько месяцев опомнившиеся индейцы восстают против захватчиков. Но поздно. Государство к этому моменту уже уничтожено. Управленческая элита, стремясь сохранить свои богатства, пошла в услужение к Кортесу. И даже успешные военные действия повстанцев уже не смогли привести к восстановлению рухнувшей державы.

Испанцы высадились на побережье Америки в августе 1519 года. А к началу весны следующего года от империи ацтеков остаются одни воспоминания. Высокоразвитая цивилизация ацтеков исчезает, как будто ее никогда и не было.

Но почему же такое странное развитие событий стало возможным?

Произошло это совсем не случайно. Примерно за сто лет до высадки испанских солдат в один из ацтекских храмов явился сам Великий Бог Кетцалькоатль. Явился он не в своем обычном образе крылатого змея, но, приняв человеческий облик. Бог открыл жрецам Великую Истину. Он сообщил жрецам, что на время покидает страну и улетает за большое море. Но через сто весен вернется к своему народу снова в облике человека. Будет он белолиц, голубоглаз и рыжеволос.

Каким и оказался высадившийся на морской берег Кортес.

Монтесума и управленческая элита великой империи увидела в нем не чужеземного захватчика, но вернувшегося к ним бога, и добровольно, без сопротивления, отдали в его руки страну.

...В программе новостей мелькали пестрые кадры о событиях, происшедших за последние часы во всех концах света.

Но Историк не видел того, что происходило на экране. В этот вечер его не интересовали сегодняшние события. Он сидел и размышлял о событиях, которые случились очень давно.

Сокрушить империю ацтеков группа авантюристов Эрнана Кортеса смогла потому, что *кто-то незримый и могучий помог европейским бродягам это сделать*. Без такой помощи победа горстки испанцев над огромной и крепкой державой коренных американцев была бы невозможна. Такой странный вывод сделал для себя Историк.

Но кто был этим могучим и дальновидным помощником?

5. Доктор Искра Августовна Сони́на

Искра Августовна жила совсем недалеко от элеватора.

После смерти мужа, директора Куломзинского элеватора, она осталась одна в огромной квартире с дворцовыми потолками. Ее единственная дочь Тина умерла в семилетнем возрасте в результате врожденной болезни сердца много лет назад. Других детей у нее не было.

Искра Августовна снесла все внутренние стены и получила большой просторный ангар. Образовавшееся пространство она разгородила китайскими ширмами, свисающими с потолка двигающимися шторами и деревянными полками с комнатными цветами.

Получился странный, постоянно меняющий конфигурацию лабиринт.

Полковник сидел у нее уже час. Пил кофе с корицей, вдыхал странные восточные ароматы и слушал.

Но Искра Августовна не хотела говорить ничего конкретного. Она с такой же ловкостью, все обходя и ничего не задевая, вращалась в создаваемых ей словесных мирах, как и в запутанном лабиринте своего необычного жилища.

Словно материализуясь из воздуха, стройная седая женщина в китайском халате с драконами, неожиданно возникала то из-за одной, то из-за другой ширмы или шторы.

– Искра, но ведь ты же посылала письмо владельцу «Сибпромнефти» Аврамовичу с просьбой возобновить финансирование детского кардиологического центра? – вздохнув, произнес Полковник.

– Левушка, я посылала даже три письма... – печально улыбнулась Полковнику хозяйка.

И он снова немного почувствовал себя мальчишкой, курсантом юридического института МВД. На первых летних каникулах он неожиданно свалился с двусторонним воспалением легких. А молодая выпускница мединститута Искра Августовна Сони́на стала его лечащим врачом.

Дела у него тогда обстояли неважно. Его даже поместили в отдельную палату. Она приходила к нему белая, невероятно красивая, пахнувшая валерьянкой и тревожными духами. У него несколько дней держалась предельная температура. Он то и дело впадал в полубессознательное состояние и в бреду видел над собой ее склонившееся молочно-белое широкоскулое лицо и ощущал гладкие прохладные руки.

– Искра, в последнем письме, ты же фактически угрожала Аврамовичу... Угрожала сжечь завод... Для чего ты это делала? Ты же должна понимать, это – не шутки! Тебя же могут подозревать... – говорил он, рассматривая Искрино лицо.

«Она не так уж и постарела... Даже в чем-то лучше стала... Теплее, что ли...» – подумал он.

– Ну, Лева, ну, что, значит, угрожала? – Искра поднялась с банкетки и переместилась за вишневую штору, на которой поднимали клювы длинноногие журавли.

– Сначала они мне вообще не ответили. Я написала снова. Тогда какой-то Шаенко, – доносился из-за ширм ее голос, – ответил мне, что план благотворительной помощи утверждается собранием акционеров и детский кардиологический центр в число объектов, подлежащих помощи, не включен. Поэтому, он лично ничем помочь мне не может... Я в ответном письме написала, что детский кардиологический центр финансировался нефтезаводом всегда. И когда он был государственным производственным объединением и когда стал акционерным обществом. Без этого центра многие дети с больным сердцем будут просто обречены на смерть. Умрут... И уже умерли...

Искра неожиданно появилась непонятно откуда с вазочкой печенья в руках.

– Попробуй печенье, Лева... – сказала она. – Я сама испекла...

Он взял маленький темный кругляшек. От печенья исходил слабый аромат какой-то пряной травы. А на вкус оно было горьковатым и солоноватым. Такое он и любил.

– Лева, может быть, ты пудинг хочешь, а? С малиновым вареньем? Ну, хочешь? Мой собственный рецепт... Хоть попробуй, а?

– Ну, дай немного. Только попробовать...

Искра исчезла за высокой китайской ширмой.

– Я написала им, что своим богатством, они обязаны не своим способностям или счастливому стечению обстоятельств, но Богу. Но Он не только дает богатство, но и налагает обязанности...

Полковник не мог понять, с какой стороны слышится ее голос.

– Бог налагает обязанности и за их выполнение строго спрашивает. – неожиданно услышал он у себя за спиной. Он обернулся. Но Искры не увидел.

– И если Он увидит, что эти богатства совсем не служат остальным, а, особенно, больным и страдающим, Он не будет равнодушно смотреть на это. И Его огонь сожжет любое богатство. Например, принадлежащий кому-нибудь нефтеперерабатывающий завод... Разве я угрожала? Я предупреждала.

– Искра, но ты, надеюсь, согласишься, что Бог вмешивается в дела людей не сам. Не собственноручно. Но через обычных смертных людей, их руками? Кто-то же из людей это сделал? – произнес Полковник в пространство.

– А разве это важно, чьими руками Он осуществил наказание? Важно, что он его совершил. Вот, Лева, что важно! – совсем близко прозвучал голос Искры, хотя она по-прежнему оставалась невидимой.

– Искра, но откуда ты узнала число, когда произойдет взрыв?

– А я не знала... Вот пудинг, Лева... Попробуй. Тебе понравится! – Искра неожиданно выросла прямо перед ним.

Она поставила перед Полковником тарелочку с пудингом.

– Ну, как же не знала? – вздохнул Полковник. – Ты же точно сказала Браткрайсу с Липовой, что взрыв произойдет в выходные дни... Они даже поспорили с кем-то на сто долларов и выиграли... Что, не говорила?

– Почему не говорила?... – вздохнула Искра. – Говорила. Но я не знала. Я предполагала... Предчувствовала. Ведь в выходные на самой установке не бывает людей, а Он милосерден.

Полковник понял, что ничего путного от Искры не добьется. Он взял ложечку и зачерпнул маленький кусочек пудинга так, что бы с одного бока на нем оказалось варенье.

...Когда он выписывался из больницы, она строго сказала ему:

– Лева, ты уже взрослый мальчик! Считай, что между нами ничего не было! Ничего! Ты еще найдешь свою сверстницу! А про меня забудь!

Он тогда обиделся. И дал себе слово ее забыть. Но не получилось, хотя у него появились другие женщины и даже не мало. Он все равно помнил о широкоскулой белолицей врачихе.

Когда примерно через девять месяцев кто-то ему сказал, что у нее родилась дочь, у него возникла мысль, а может, это его ребенок? Но к этому времени она уже была замужем, и отцом ребенка мог быть и законный супруг. Да мало ли, кто... Что, вообще, мужчина, сказал он тогда себе, может знать о личной жизни женщины? С уверенностью – ничего!

Потом они встречались много раз, тем более, что оба жили в тесном поселке, где пересечений на узких улицах просто не избежать, но к тому, что было между ними в районной больнице, даже в разговорах никогда больше не возвращались. К тому же, вскоре после его выписки из больницы, молодая врачиха вышла замуж за немолодого вдового директора Куломзинского элеватора.

Если быть точным, он-то пытался раз или два осторожно, издалека завести разговор на эту тему, но она пресекала его таким строгим докторским взглядом, что он терял дар речи.

А напрямую, как он мог спросить у взрослой серьезной замужней женщины: «Скажите, а случайно не я отец вашей дочки?»

Правда, был, был один случай, который посеял у него угасшие подозрения.

Это произошло на праздновании векового юбилея железнодорожной станции Куломзино, возникшей вместе со строительством транссибирской магистрали, соединившей полмира – от Варшавы до Владивостока.

После обычной натужно-оживленной официальной части, избранные участники празднования вышли на балкон районного Дворца культуры. Из-за лесополосы должен был вот-вот грянуть праздничный фейерверк.

В холле были накрыты фуршетные столы. Через распахнутые на балкон двери, публика с бокалами и тарелками в руках медленно перемещалась из полного аппетитных запахов помещения в свежий синий вечерний воздух и обратно.

Присутствовавшие чувствовали себя людьми особыми. Это сладкое ощущение заставляло женские глаза пылать, как лампы, а мужчин выпрямлять спины так, что они сразу прибавляли в росте на целую голову.

Полковник тогда был еще лейтенантом, и после окончания высшей школы милиции работал оперуполномоченным в своем родном районе, тоже ненароком оказался среди элиты. Он отвечал от райотдела за соблюдения во время празднования общественного порядка вокруг Дворца культуры.

В связи с праздником на площади перед Дворцом был выставлен дополнительный наряд патрульно-постовой службы. Но, когда он в перерыве вышел на площадь, наряда нигде не было. У него было сильное подозрение, что Мафусаил увел постовых милиционеров в лесополосу у железной дороги с целью распития спиртных напитков. Еще до начала торжественного заседания, он с балкона заметил Мафу, оттирающегося около скучающих милиционеров. В руках он держал раздувшийся полиэтиленовый пакет. А один из постовых являлся их с Мафой одноклассником.

Лева стоял у самых дверей на балкон и раздумывал. То ли спуститься на площадь и поискать исчезнувших стражей порядка, и, если его подозрения подтвердятся, намылить им, а, особенно, Мафусаилу холку. То ли дожидаться, когда официантка снимет с только что принесенного подноса большое блюдо.

На блюде лежали разрезанные надвое вареные яйца, каждая половинка которых была наполнена черной икрой. Он решил отложить поиски непутевого наряда, а вместо этого в числе первых отпробовать деликатесную закуску.

Тут-то к нему и подошла Искра. Если черный цвет может ослепительно сверкать, то это относилось к ее глазам.

За руку она держала маленькую девочку с большими белоснежными капроновыми бантами на круглой головке. Девочка внимательно смотрела на него большими темными глазами.

– Вот, Лева, это мы с Тиной. – сказала она, улыбаясь. – Мы в этом году в школу пойдем.

– Какая ты взрослая! – сказал он, чуть нагнувшись к Искриной дочке. – Какие у тебя бантики красивые.

– Да. – серьезно ответила девочка, подняла личико и внимательно, как котенок, уставилась на него своими карими глазками

– Тина, ты помнишь дядю Леву? – опустилась, рядом с дочкой, словно большая нарядная птица, Искра. – Помнишь, он к нам приходил?

Тина внимательно взглядела в него, помолчала, потом утвердительно тряхнула головкой и сказала:

– Помню. У него звездочки тогда были.

– Правильно. Были. Были, золотко мое! – прижалась Искра щекой к дочкиной головке. – Лева, ты ведь тогда в форме приходил... Помнишь?

– Ну, может и в форме.

– Ну, вот, ты сам не помнишь, а она помнит! – поцеловала Искра дочку в щеку. – Умница моя! Помнит, дядю Леву... Запомни, доча, дядя Лева, очень хороший дядя! Самый, самый лучший. Поняла?

– Да. Я поняла. – серьезно кивнула головой девочка.

Искра выпрямилась и вдруг сделала движение, словно хотела прикоснуться к его лицу губами. Но в это время с бокалом шампанского к ним подошел Искрин муж, солидный лысоватый столп местной деловой знати. Он взял Искру под руку и увел смотреть начавшийся фейерверк.

Когда они уходили, маленький человечек несколько раз оглядывался на Полковника и смотрел грустными глазками, как котенок, уносимый из дому.

Что-то в этой сцене было подводное.

«Неужели все-таки чудесная маленькая Тина – его дочь? – спрашивал себя Полковник. – И Искра как бы связывала их незримыми узами. Точнее, постепенно обнажала те узы, которые есть? Или я все это просто придумываю?...»

Не случайным ему показался тогда тот мимолетный разговор. Не простым. Хотя и после него ничего он для себя так и не решил.

...Полковник окинул взглядом странную комнату, и обнаружил изменения. Одни шторы, свисающие с потолка, раздвинулись, обнаружив в дальнем углу письменный стол. Другие плотно задернулись, что-то надежно скрыв.

Лев Александрович положил ложечку, отставил тарелку с пудингом и посмотрел на хозяйку.

По ее щекам убегали на увядающую, но еще высокую шею и дальше на грудь почти незаметные бледно-оранжевые пигментные пятна. Искра теребила рукой отворот расшитого золотыми павлинами красного китайского халата и смотрела в сторону.

Все было сказано. Пора было уходить. Они попрощались. Символически прикоснулись губами к щекам друг друга.

И вот когда он уже оказался лицом к двери, открыл замок и готовился шагнуть на лестничную площадку, вдруг услышал за своей спиной:

– Левушка, ты ведь знаешь, что Тина – твоя дочь.

Он хотел повернуться, но она мягко надавила ему в спину, вытолкнула на лестницу и закрыла за ним дверь.

Полковник потянулся к дверному звонку, но опустил руку. Постоял, глядя в пол, повернулся и пошел вниз.

6. Ближневосточные друзья Мафусаила

Делегация Саудовской инвестиционной компании прибыла неожиданно.

Полковник узнал об этом из выпуска местных теленовостей.

«Неужели ближневосточные миллионеры в аэрокосмическое объединение „Полет“, деньги вкладывать решили?» – спросил он сам себя.

Отметил так, из чистого любопытства.

Никакого отношения к обеспечению работы экономической делегации из Аравийского королевства Лев Александрович, естественно, не имел.

Не имел до определенного момента.

Пока его внештатный информатор, работающий в службе охраны закрытой гостиницы, где разместилась иностранная делегация, не сообщил ему о странных визитах к ближневосточным финансистам, в том числе, в ночное время, одного малоподходящего для таких контактов человека.

Этим человеком являлся трижды судимый гражданин Браткрайс Мафусаил Нилович, работающий ночным дежурным склада готовой продукции акционерного общества «Сибхлеб».

Гостиница стояла в сосновой роще.

Роща лежала среди городских кварталов плотным непроницаемым массивом иной жизни. Ее аристократический хвойный запах накатывался на город тревожными волнами.

Наверное, так пахла Земля миллионы лет назад, до появления на ней мягких лиственных деревьев, в невообразимо далекие времена динозавров и птеродактилей. В роще навсегда поселился мрак.

В двухстах метрах от гостиницы день и ночь шумело моторами, идущее в сторону нефтезаводского района шоссе. А среди медных сосновых стволов стояла пугающая тишина.

Полковник сидел в холле гостиницы среди зарослей монстеры, и переворачивал перед собой необъятный, как парус, газетный лист.

В обычно полупустой и тихой гостинице, принадлежащей областной администрации, царили суета и шум.

В холле кружились в броуновском движении коммерсанты регионального масштаба, журналисты и дамы легкого поведения. Временами в холл со второго этажа, где располагалась ближневосточная делегация, спускались смуглые референты и кого-то провожали вниз, кого-то уводили с собой, наверх.

Бар, отделенной от холла стеклянной стеной, получал невероятные доходы и закрывался далеко за полночь. За стойкой и за столиками в глубине были видны склонившиеся друг к другу лица с исключительно серьезным выражением. Такое выражение обычно вызывает присутствие рядом больших денег. Даже у женщин легкого поведения в глазах появилось светлое выражение Надежды, которое, вероятно, было у пушкинской старухи, неожиданно оказавшейся в двухсторонних отношениях с Золотой рыбкой. Она просила, рыбка давала.

Нет, не зря боролся с непослушным газетным листом Полковник. Информатор не подвел.

По утреннему холлу, насквозь пронизанному толстыми и сильными, как свет прожекторов, солнечными лучами, в режиме шахматного коня передвигалась знакомая крепенькая фигура.

Гражданин Браткрайс.

Проделав сложную траекторию между всех расставленных на шахматном черно-белом полу фигур, он оказался у начала лестницы, ведущей на второй этаж. Ее первая ступенька была подобна государственной границе, которую без приглашения не осмеливался пересечь никто из находящихся внизу.

Воровато оглянувшись, Мафусаил занес ногу над пограничной ступенькой, решительно опустил и мелкими шажками, забирая к левым перилам, быстро помчался наверх.

Будто почуяв грубейшее нарушение установленного порядка, из-за угла коридора второго этажа выдвинулся высокий чернобородый охранник в белой рубашке и строгом двубортном костюме.

Он встал на пути поднимающегося Браткрайса, поднял правую руку, словно бы собираясь хорошим ударом в челюсть отправить нарушителя обратно вниз. Но, вместо этого, к удивлению присутствующих в холле, взял его под локоть, и вместе с ним исчез за углом коридора.

«И, что бы это значило?» – задал себе вопрос Полковник.

Он подождал еще четверть часа. И уже собрался навестить бар, где аппетитно запахло настоящим, сваренным из молотых зерен кофе, как вдруг в холле все пришло в движение.

По широкой лестнице спускалась большая группа людей. Чуть впереди шли два охранника. А за ними в центре свиты высилась могучая, почти на голову выше остальных, фигура главы экономической делегации принца Абдаллаха аль Салаха с клетчатым черно-белым платком на голове. Он что-то энергично выговаривал идущим за ним референтам.

В прежней жизни Полковнику приходилось видеть принца. Несколько раз. И всегда он производил на него странное впечатление.

Что-то в нем было не так.

И только увидев его здесь, в Сибири, попавшего в яркий прожекторный луч августовского солнца, он, вдруг сразу понял, что не так. И удивился, как не замечал этого раньше.

Маленькая восточная борода придавал принцу типично-арабский вид. А вот глаза у него были другие.

Не томные, маслиноподобные, какие бывают у арабов, а желтые и напряженно-серьезные, как у тигра.

Царственная группа быстро пересекла холл, рождая вокруг людские водовороты, и увлекая за собой отдельных счастливых. Пролетев сквозь распахнувшиеся двери, группа выкатилась на улицу, разобралась по черным сверкающим автомобилям и исчезла среди сосновых стволов.

Делегация, как объявил один из секретарей Абдаллаха, отбыла на нефтеперерабатывающий завод компании «Сибпромнефть».

Мафусаил Нилович по лестнице не спускался. Ни с группой, ни после. Ждать его как будто смысла не было. В конце концов, он мог спуститься вниз через один из трех служебных выходов и раствориться в темной сосновой роще.

Полковник немного поколебался и направился в бар.

Он сел за столик в глубине у дальней стены, так, что бы на всякий случай не выпускать из поля зрения часть холла с выходом из гостиницы. По привычке давно ставшей рефлексом, он сел так, что бы обозревать максимально возможное пространство перед собой.

Ничего заслуживающего внимание в секторе обзора он не наблюдал.

Он лишь на секунду опустил взгляд, чтобы сделать глоток кофе, как вдруг от неожиданности чуть не пролил его на столик. Совсем близко он вдруг услышал знакомый голос.

– Лева, можно к тебе?

Да, наверное, во всем городе только обладательница этого голоса и могла вот так, используя малейшее ослабление внимания, быстро и незаметно оказаться рядом с интересующим ее объектом.

Перед ним стояла солидная полная дама совсем зрелого возраста с чашкой кофе в руках. Владелица лучшего в городе цветочного салона «Белая Орхидея» Оксана Ковальчук. А когда-то, в те времена, которых не было, по оперативной легенде, иорданская журналистка Фатима.

Полковник радостно улыбнулся и встал.

Вот уж кого он, действительно, рад был видеть.

– Что ты тут Лева делаешь? Сто лет тебя не видела... Все охраняешь? – проговорила она, улыбаясь и блестя глазами. – Ну, садись, садись, что ты застыл, как столб, Лева? Конспирацию нарушаешь... Всю квалификацию потерял... – сказала она, осторожно опуская на пластмассовый стул свое большое, обтянутое темно-синим бархатом тело.

– Охраняю! Мышь не проскочит! А ты? Что, на Ближнем Востоке цветов не хватает? Или, наоборот, решила побаловать сибиряков аравийскими розами?

Оксана засмеялась.

– Да, нет, я тут как президент!

– Чего президент? Не Российской Федерации случаем?

– Ассоциации малого и среднего бизнеса. – с достоинством ответила бывшая иорданская журналистка Фатима.

– Ну, ты, Ксанка, даешь! – искренне восхитился Полковник.

– Да, ну, Лева. – махнула большой белой рукой президент ассоциации. – Фигня все это! Вот то, что я бабушка уже стала, вот это, да!

– Ну, поздравляю! – без притворства сказал он. – Молодец!

– Да... А с другой стороны... Кто я теперь? Бабка! Подумать только! Ужас!

– Ну, и что, что бабка!... Ты еще очень ничего. – попытался польстить женщине полковник.

– Да, ла-адно! Знаю я! Знаю я, как я ничего... В машину уже не вхожу! Кроме денег ни одному мужику ничего от меня не надо! – Ксана сокрушенно махнула рукой. – Вот ты, Лева, в правду, не стареешь совсем... Каким тогда был, такой и сейчас. Виски только седые... Так они у тебя, вообще-то, и тогда такие были... Эх, Лева, Лева, как вспомню, неужели это мы были? – по-бабьи оперлась она щекой о ладонь.

...Это было двенадцать лет назад на Ближнем Востоке. По заданию центра они искали в Ираке секретную лабораторию по производству штамма непонятной болезни под условным названием «Месопотамская лихорадка – А»

Болезнь была смертельной. Вирус, ее вызывающий, был неизвестен, и противоядия не имелось. Начиналась болезнь, как обычное респираторное заболевание с легкой температурой, длилась в не вызывающей тревоги форме два-три дня, а потом наступало резкое ухудшение самочувствия и смерть.

По полученным данным, лаборатория, производящая вирусы «Месопотамской лихорадки» находилась на Северо-Западе Ирака, хотя уверенности в этом не было. Не ясно было даже, дезинформация ли все это вообще? Выяснение истинного положения дел и было возложено на них с Оксаной. Он, по легенде – румынский нефтяник, она – иорданская журналистка.

За плотно зашторенными окнами стояла жаркая, черная ближневосточная ночь. Пахло горячим песком. Полынью. Большой пустыней.

Тогда он еще не знал ее настоящего имени. Для него она была Фатимой и сотрудником Центра, носящим псевдоним «Двойка». До этой ночи она не вызывали у него особого интереса. И, хотя они несколько месяцев работали рука об руку, до этой дикой ночи он как будто и не видел в ней женщину. Ему казалось, что и ей в голову не приходило, ничего подобного.

Но в эту электрическую ночь все стало по-иному. Они ждали решающее сообщение от местного агента. Оно должно было либо подтвердить, либо опровергнуть существование лаборатории близ границы с Иорданией. У обоих внутри звенело предчувствие надвигающейся опасности. Они знали, что здесь на Востоке, все всегда происходит не так, как должно происходить. Не расчет, не профессионализм, а какая-то сверхъестественная интуиция ведет местных контрразведчиков. Оба понимали, что значит попасть в их руки. Тут церемониться не будут. Восток.

И они, неожиданно для самих себя, бросились друг к другу.

Невозможно поверить, но Ксанка тогда была стройная, даже худая, и такая потемневшая за месяцы пребывания в странах передней Азии, что ни у кого и сомнений не могло возникнуть, что она родилась не в Дамаске, а в Сибири. Даже глаза у нее тогда словно бы приобрели слегка миндалевидную форму, хотя, вообще-то у нее от рождения были обычные для украинки круглые карие очи.

По внутренней трансляции отеля передавали восточную музыку. И багдадская флейта повторяла одну и ту же музыкальную фразу, каждый раз как будто новую, но на самом деле неизменную, как сам древний, внешне обновляющийся, но, в сущности, остающийся тем же самым Восток.

Они любили друг друга так, словно это была последняя ночь в их жизни. Собственно говоря, это вполне и могло случиться.

Время от времени восточная мелодия прерывалась, и в их номере звучали мелодии Чайковского. Это означало: в ту ночь в верхних королевских апартаментах отеля находился принц Абдаллах. Русский музыкант был его любимым композитором, и администрация отеля знала это.

Вообще здесь, как и во всем мире, постепенно заполняли эфир американские шоу-звезды. Дети правоверных мусульман, подражая своим западным сверстникам, глотали безвкусные музыкальные чизбургеры. Но это касалось только среднего класса. Элита, вернулась к национальной музыке. А из чужой, предпочитала итальянскую классику восемнадцатого века и русскую – девятнадцатого. Молодые арабы из состоятельных семей искренне считали, что Сергей Рахманинов не мог не верить в аллаха.

Та ночь вполне могла стать для них последней.

К счастью, не стала. Утром законсервированный агент, нарушив все инструкции, сообщил им по телефону, что они раскрыты, в течении месяца находились под наблюдением, а накануне было принято решение об их аресте.

На следующий день они были уже в Дубае, потом на румынском сухогрузе попали в Констанцу, а еще через два дня были в Москве.

В результате долгого разбирательства руководство пришло к выводу, что вина за провал задания лежит на них самих. Был издан приказ, выводящий их из состава разведывательного главка. Им предложили перейти на работу в хозяйственное управление СВР.

Предложение их не устроило. Они подумали, что их карьера во внешней разведке закончена, а, раз так, предстоящая работа за канцелярскими столами теряла всякий смысл.

И они с Оксаной решили поехать в город на Иртыше. Для Полковника он был родным. А у Оксаны там жили родители бывшего мужа, на руках у которых подрастала их общая дочь. С мужем они расстались много лет назад. Сам он жил в Казахстане, и него давно была новая семья.

Майор запаса занялась бизнесом и воспитанием дочери, а его отдел кадров территориального управления безопасности, которому были поручено их трудоустройство, направил в органы внутренних дел. Как ему сказали, для их укрепления. Так он оказался там, где и начал свою биографию, – в милиции.

После у них с Оксаной никогда ничего больше не было. Они не стали ни любовниками, ни супругами. Но он знал, что, если кому и мог верить до конца, то это ей – Оксане Ковальчук. Вот этой полной женщиной со стареющим лицом.

– Что задумался, полковник? – услышал он Оксанин голос.

– Не грусти! Что было, то было... Однако, жизнь продолжается... Ну, я поехала. Ты не теряйся! Звони, хоть иногда... Может тебя подвезти, а, Лева?

Он сначала кивнул, но немного подумал и отказался. Лев Александрович всегда слушался интуицию. Послушался и в этот раз.

Он несколько раз неторопливо прошелся по холлу, продолжающему жить в волнующем режиме ожидания. Краем уха поймал разговор о том, что Абдаллах отправился на встречу с губернатором области. Прогуливаясь, обшарил взглядом все углы, но ничего интересного не обнаружил. Сказал про себя пару крепких слов в адрес своего внутреннего голоса и покинул гостиницу.

В сосновой роще стояла первобытная тишина.

Направляясь в сторону шоссе, Полковник смотрел не по сторонам, а, как учили в детстве, себе под ноги. Но многие мудрые правила надо выполнять избирательно, иногда – с точностью до наоборот.

Что-то словно легонько щелкнуло его в лоб. Он остановился, поднял глаза и посмотрел прямо перед собой.

То, что он увидел между деревьями, его очень заинтересовало.

Впереди, совсем недалеко лежало шоссе. На его обочине стоял легковой автомобиль. Рядом с ним высилась

маякоподобная фигура в темном пиджаке, белой рубашке и галстук. Похоже, из сопровождения арабского принца. А рядом стоял кажущийся на его фоне совсем маленьким Мафусаил Нирович Браткрайс.

Оба действующих лица были обращены к нему в профиль.

Полковник шагнул за дерево и стал наблюдать.

Браткрайс находился в оживленном диалоге с высоким собеседником. Он то кивал головой, то отступал на несколько шагов, то снова подходил вплотную к собеседнику. Наконец, он даже слегка присел, будто делая дамский книксен, и широко развел в стороны свои короткие руки. Дескать, режь меня, ешь меня, нету у меня ничего.

Высокий собеседник кивнул, подал Браткрайс руку на прощание, затем сложился пополам и вставил свое тело между рулем и сиденьем. Мафусаил напоследок что-то энергично сказал ему и передал кожаную папку для бумаг. Его собеседник кивнул, хлопнул дверцей, и вместе с автомобилем исчез с шоссе, будто его и не было.

Браткрайс замахал руками, как ветряная мельница, вскочил в первый остановившийся автомобиль и отбыл в противоположную сторону.

Полковник стоял среди сосен и недоумевал.

Он, что бывало с ним не часто, действительно, не понимал, что все это значит?

7. Странное предложение старого пирата

У неба были окна.

Полковник стоял и смотрел на четыре горящих в ночи окна.

И представлял, как среди китайских ширм, свисающих с потолка штор и полок с цветами, движется стройная беловолосая женщина в китайском халате, то растворяясь в воздухе, то возникая ниоткуда. Мелькает она в разных концах гигантской комнаты, летит по своему странному жилищу-лабиринту, пытаясь убежать от самой себя.

Он вздохнул и медленно зашагал в сторону невидимого в ночи элеватора. К Мафусаилу.

Ночь была теплой, как это почти всегда бывает в Сибири в августе месяце. Из-под чернеющих в темноте кустов сибирской акации веяло сыростью и грибами. Обдавая хмельным запахом свежей выпечки, по-медвежьи переваливаясь с боку на бок, мимо него медленно проезжали развозящие хлеб грузовые «газели».

Со стороны железнодорожной станции доносились гудки электровозов, стук катящихся по рельсам вагонов, переговоры диспетчеров по громкой связи. Женский голос что-то по-учительски строго приказывал, а мужской суровым тоном покорно соглашался.

Когда-то, почти тридцать лет назад, Вова Подолякин сказал, что было бы неплохо вскрыть какой-нибудь товарный вагон, стоящий на станционных путях. Несмотря на некоторые нравственные сомнения, посеянные воспитанием, и страх быть пойманными, они с Мафусаилом не долго сопротивлялись уговорам.

Видимо, решающую роль сыграли показанные Вовой джинсы, которые он якобы стащил из собственноручно вскрытого им контейнера.

Такой же теплой августовской ночью они выбрались из кустов и проникли в лабиринт, состоящий из бесчисленных заполняющих станцию товарных эшелонов. Долго бродили вдоль бесконечно тянувшихся в обе стороны вагонов. С замиранием сердца, – вдруг сейчас поезд тронется! – пролезали под вагонами рядом с грозными дисками колес, поблескивающими отполированными о рельсы рабочими поверхностями. Наконец, Вова нашел нужный вагон. Взятыми с собой садовыми ножницами они перекусили проволоку, на которой висела свинцовая плomba, и, навалившись все троем, сдвинули с места тяжелую дверь.

Вагон был доверху забит картонными ящиками с неразличимыми в темноте надписями.

Ящики стояли друг на друге так плотно, что, несмотря на все старания, им никак не удавалось извлечь их из доходящей до потолка сплошной картонной стены.

Тогда они садовыми ножницами и финкой Вовы Подолякина разрезали боковую сторону одного из нижних ящиков. Мафа пошарил рукой и с трудом вытащил оттуда круглую железную банку. Это оказался индийский растворимый кофе.

И в этот момент совсем рядом они услышали топот и крик «Стой!»

От неожиданности у них отнялись конечности и отключилась центральная нервная система.

«Делаем ноги!» – первым очнулся от паралича Вова и бросился под вскрытый ими вагон. Они с Браткрайсом ринулись вслед за ним в спасительную тьму.

«Стой! Не уйдешь! Стой! Стрелять буду!» – дико кричали за спиной.

Они ныряли под один вагон за другим. Когда казалось, что все, они оторвались от погони, за соседним вагоном, разрывая их сердца, раздалось: «Попались, голубчики, а ну, стой! Руки в гору!»

Они рванули вдоль эшелона в сторону элеватора со скоростью африканских гепардов. Потом снова ныряли и ныряли под вагоны, горячо желая раствориться в чернильном воздухе августовской ночи.

Остановились в лесополосе далеко за станцией. Погоня все-таки отстала.

Сердца вырывались из груди. Воздух не поступал в легкие, а ноги дрожали так, что было непонятно, а смогут ли они теперь вообще ходить.

В те минуты Полковник решил жить так, что бы никогда не приходилось убегать, Мафа – тренироваться в беге для выработки выносливости, а Вова Подолякин посчитал, что ничего особенного не случилось.

Растворимый кофе с тех пор казался Полковнику от-вратительным. Не только из-за своего вкуса и аромата.

Все это случилось невероятно давно. Во времена, которых, возможно, и не было. По общепринятому же календарю, около тридцати лет назад.

...Полковник шел, не торопясь. Он вдыхал теплый, полный растительных запахов ночной воздух и размышлял.

И было над чем. С самого утра день складывался как-то не так. Полковник любил бриться. Каждое утро он с удовольствием срезал хорошей бритвой отросшую за ночь щетину, которая мягко похрустывала под тонким двойным лезвием «Жилета». Затем смазывал сизые щеки лосьоном. Он предпочитал американский «Меннон» или польский «Барс». В этот день, рассматривая в зеркале свое чисто выбритое лицо, он почувствовал нечто странное. Будто из серебристой зеркальной глубины на него смотрел кто-то еще.

Нечто подобное уже бывало в его жизни.

И всегда это было предчувствием опасности.

Так случилось однажды в ближневосточной Хадейде, когда он без особых, внятно объяснимых причин не пошел на встречу с местным агентом. Просто не смог заставить себя выйти из отеля, взять такси и поехать в старый город.

И, как потом оказалось, был совершенно прав.

Агент оказался изменником, а в месте встрече у малой городской мечети его ждали контрразведчики.

Это ощущение наблюдающего за ним взгляда он испытывал всего несколько раз в жизни, и каждый раз оно спасало его от серьезных неприятностей, а, возможно, и потери самой жизни. Это ощущение, казалось, имело даже запах.

Медицинский запах разведенной марганцовки.

Он весь день то и дело прислушивался к себе, втягивал носом воздух и ему мерещился в разных углах этот едва заметный тревожный запах.

Чтобы сбросить напряжение, он решил искупаться.

Прямо в черте города за рекой бил источник теплой минеральной воды. Он находился в густом природном парке на берегу реки. В его зеленой толще прятался реабилитационный корпус областной больницы. Здесь элитные пациенты проходили курс восстановительной терапии или, взяв у своего лечащего врача направление, просто прятались от надоевшей работы или неожиданных проверок.

У источника образовалось небольшое озерко с целебной водой. Вокруг него разрослись ивы. Их тяжелые ветви опускались к стеклянной поверхности, образуя вокруг воды непроницаемую зеленую стену.

В этом озерке и решил искупаться Полковник в обеденный перерыв, надеясь сбить непонятный внутренний дискомфорт.

Он подхватил первую попавшуюся оперативную машину, перескочил на ней через мост и дальше пошел через парк пешком.

Под деревьями стоял такой плотный аромат трав и листьев, находящихся в зените своей маленькой жизни, что у него даже сильнее застучало сердце, легкие расправились и начали втягивать в себя целебный бальзамический воздух.

Погрузившись в зеленое неподвижное озерцо, он заскользил в воде, выставив над поверхностью, словно крокодил, одни глаза. Расталкивая лицом сверкающую поверхностную пленку,

разделяющую собой две вселенных – воздушную и подводную, он сам казался себе довольной жизнью рептилией.

После купания тревога испарилась, как капли воды на августовском солнце. Он заключил, что сигнал тревоги был ложным. Он, видимо, просто плохо выспался.

...Дорога от дома Искры до элеватора была не слишком длинной, и вскоре он уже стоял перед дверью, ведущей в конторку склада. В гнездо Мафусаила.

У старого разбойника как всегда был праздник.

Каким-то образом ему удалось уговорить женщин-пекарей засунуть в малую хлебопекарную печь противень с мясными котлетами. В пропитанной запахом печеного хлеба камере, они получались невероятно сочными и вкусными. Только использовать производственные мощности пекарни в этих целях, начальством было строго-настрого запрещено. Но старому мошеннику как-то удалось толкнуть персонал на грубое нарушение приказа.

Откуда-то оказалась в его распоряжении и большая оплетенная лозой трехлитровая бутылка с красным вином. Рядом горбились коричневыми спинками два еще горячих батона. Над одним из них пират занес огромный, как гусарский палаш, острооточенный нож-хлеборез. Остальная компания пока отсутствовала, но, судя по расставленным четырем стаканам, ожидалась с минуты на минуту.

– О, вот уж кого не ждал! – вытаращил свои военно-морские глаза Мафусаил, застыв с поднятым хлеборезом, как пораженный внезапным параличом палач. – Садись, Лева. Выпей. Закуси. У меня сегодня та-акие котлетки. А вино?! Настоящее Киндзмараули из Грузии, не вру.

– А я думал из Саудовской Аравии. Принц Абдаллах как раз и подрядился тебе посылочки возить. Видимо, от тамошних рецидивистов.

– Да, ты что, Лева-а! – еще больше выпучил глаза ветеран исправительных учреждений. – Там вообще алкоголь запрещен! Не дай бог, поймают!... Накинут, как за побег! Нет, это не он, не-ет...

– Так, значит, это не Абдаллах тебе посылочку передал, а ты ему, да?

– Я? Да ты что, Лева! Я и не знаю никакого принца. Ну, сам подумай, откуда я бы его знал, а? Кто он и кто я!

– Вот я и думаю, откуда? И что ты у него каждое утро делаешь, а?

– Я?! – возмущенно вздернул седенькие бровки пират.

– Нет, губернатор области. Ты, конечно! Рассказывай, старый интриган!

Мафусаил изобразил бровями нечто вроде: ну, если так все оборачивается, то пусть.

– Вот ты сердисься Лева, а я ведь это ради тебя к арабам ходил. О тебе думал... – медленно начал Мафусаил.

– Конечно, о ком же еще ты мог думать! – сказал Полковник и положил на овальный ломоть хлеба толстую, как куропатка, коричневую котлету.

– Ты зря так, Лева, зря. – засеменил словами пират. – Им нужен консультант по вопросам безопасности. И я предложил твою кандидатуру... Прекрасно оплачивается! Я уверен, ты согласишься...

– А мне нельзя. Я государственный служащий. – сказал Полковник и, широко, насколько возможно, раскрыв рот, откусил приготовленный бутерброд.

– Да, ну, никто и не узнает. Так, один-два раза встретишься, поговоришь и все. Я ж не призываю тебя, государственные тайны выдавать! Да, ты никаких таких уж, особых тайн и не знаешь... Проконсультируешь, кого им у нас стоит опасаться из уголовного мира, если они решат здесь свое дело разворачивать, и все... Чего ж здесь плохого?.. Это даже твой профессиональный долг, если хочешь знать.

– Ты мне про мой профессиональный долг не пой. – налил себе в вина Полковник. – Откуда ты эту компанию знаешь, а?

– Ну, случайно. Честное слово, случайно. Клянусь мамой! – прижал коричневые обезьяньи ручки к груди Мафусаил. – С одним арабом в Москве в прошлом году познакомился, а он из авторитетных оказался... Ну, вот, когда они к нам прилетели, меня нашли, да я и не скрывался. Зачем мне скрываться?

Мафусаил замолчал и искоса посмотрел на Полковника, как он относится к его искусству рассказчика? Полковник с выражением глубокого недоверия неторопливо жевал бутерброд. Старый пират набрал воздуха и с новыми силами, бросился в бой.

– Я тому корешу сам адрес давал. Вот они меня так быстро и нашли. Проконсультироваться им нужно было, что, да, как... Не опасно ли дело в городе начинать? Они ж там все русской мафией запуганы. Думают, здесь прямо на улицах из людей мумии делают... Вот они и решили со мной посоветоваться... Я все же в этом деле не последний человек... Специалист. Ты ж не будешь с этим спорить, да, Лева?

– Не буду. – кивнул головой Полковник. Не верил он другу детства Мафе во всей этой истории ни на мизинец. Несмотря на весь его ораторский пыл.

Когда-то в юности Мафусаил побеждал на всех районных математических олимпиадах.

Один раз победил на городской. Его направляли учиться в Новосибирский Академгородок, в знаменитую физико-математическую школу. И, если бы он не подрался с такими же абитуриентами, возможно, его судьба сложилась бы совсем по-другому. Но, как инициатора драки, его не допустили к собеседованию, и он вернулся в родной город.

«Причем тут эти арабы? Неужели прошлые дела? Не должно бы... Столько времени прошло... Да и никаких особых хвостов за мной и не осталось... Но что-то же за этим стоит? Не консультации же, в самом деле?... Или, действительно, консультации и все?»

– Вот ты котлетку томатным соусом полей. Вкуснее будет! – радушился Мафа и подливал ему в стакан пахнущее курортными романами, отжатое из кахетинского винограда красное вино.

– А горчица есть? – не поддавался опытному подлизе Полковник.

– Ну, а как же! – вскричал Мафа.

Из настенного ящика была извлечена баночка горчицы и с торжествующим видом водружена на стол перед Полковником.

– Для тебя, Лева, у меня всегда все есть! Для тебя мне ничего не жалко. – с честным видом девушки, заманивающей молодого человека в ЗАГС произнес Мафусаил.

– Правды только жалко. Ты вообще последнее время почему-то морочишь мне голову. – сурово сказал Полковник другу детства. И начал сосредоточенно покрывать очередную котлетную толстушку ядреной русской горчицей.

– Лева, когда я тебя морочил? Когда я от тебя что-то скрывал? Когда я тебя обманывал? – запричитал гражданин Браткрайс.

Полковник молчал и внимательно рассматривал друга детства. Но поймать взгляд Мафусаила ему не удалось. Он неудержимо съезжал в сторону, чего вообще-то Мафе было несвойственно.

Хотя, Полковник помнил случай, когда Мафусаил вот так же стыдливо уводил глаза в сторону.

Где-то, классе в восьмом, они оба ходили в районный Дом пионеров и школьников.

Он помещался в старом двухэтажном здании, принадлежавшем до революции владельцу крупной мельницы купцу Колокольникову. Первый и полуподвальный этаж у него были выложены из кирпича, а второй был деревянным, из толстых лиственничных бревен. На второй этаж вела необычная для Сибири наружная в два пролета лестница с узорчатыми коваными перилами.

Они с Мафой были ребятами активными. Оба играли в районной юношеской футбольной команде.

В Дом пионеров они тоже ходили. Полковник в студию изобразительного искусства, а Мафа в авиамодельный кружок.

В цокольном этаже Дома пионеров помещался тир. Стреляли там только из пневматических винтовок, но и это делало его местом, намазанным медом для всех поселковых мальчишек. Каждый из них мечтал взять в руки «воздушку». Переломить ствол, как делают взрослые мужики у своих охотничьих двустволок. Закрыть затвор, и, прижав приклад к плечу, прицелиться.

Сами пневматические винтовки хранились в специальной комнате на первом этаже в железном ящике, на котором висел большой амбарный замок.

Изостудия помещалась на втором этаже. Ее окна как раз выходили на площадку наружной лестницы.

Однажды Лева дежурил по изостудии.

Было уже темно, все начинающие живописцы и графики разошлись. Распрощался, натянув плоский, как блин, берет, и преподаватель изобразительного искусства старый художник Федор Герасимович Маковский. По совместительству он являлся и директором Дома пионеров. Остальные кружки кончали заниматься еще раньше. Кроме вахтерши бабы Зины, сидевший у входа на первом этаже, в здании никого не оставалось.

Дежурному нужно было подмести пол, собрать испорченные бумажные листы, составить в угол планшеты. Он только начал уборку, когда увидел в окне расплюснутый о стекло Мафин нос. Он распахнул закрытую изнутри на задвижку дверь и впустил его в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.